

Чу Синлань с недоверием поднял книгу правил и перечитал пункт ещё раз, боясь, что ему померещилось.

Но как ни смотри, там чёрным по белому было написано именно это.

Он впервые слышал о таком странном требовании: в секте запрещены отношения между наставником и учеником, а также между братьями по школе.

С наставником и учеником он ещё кое-как мог понять. Но почему нельзя братьям по школе?

Теперь ясно, зачем старший брат отправил его сначала послушать правила и морально подготовиться. Странностей здесь действительно хватало.

Любителям историй про наставников с учениками и братьев по школе теперь тяжело.

— Мы уже культиваторы, а секта даже в такое вмешивается? — Чу Синлань был потрясён. — Неужели из-за любви здесь когда-то случилось что-то настолько грандиозное?

— Неважно. Мы ведь не наставник с учеником и не братья по школе. По старшинству ты вообще должен звать меня дядей-наставником. Такого правила секта не запрещает. Хотя нам совершенно необязательно цепляться за эти поколения, — Мин Сиюэ всё просчитал с самого начала. — Если дальше начнутся какие-нибудь безумные истории, в правила наверняка будут постепенно добавлять новые пункты. Тяньянь рано или поздно превратится в штаб-квартиру Пути Бесчувствия.

Взять хотя бы Сан Цзинъюаня, который постоянно всем мешает. Сам по себе — врождённый святой талант для Пути Бесчувствия. А внутри секты уже немало людей начали ему подражать.

Каждый раз, возвращаясь в Тяньянь, Мин Сиюэ видел всё больше ледяных людей, и от этого даже у него внутри становилось холодно.

— Если бы прежние поколения не устраивали из-за любви столько бед, правил бы тоже не становилось всё больше.

Говорят, когда-то секта вовсе не вмешивалась в любовные отношения между культиваторами. Первые поколения глав тоже не придавали этому значения: ну найдёт ученик дао-партнёра, что страшного может случиться?

Неужели из-за этого можно обезуметь и начать резню?

Оказалось — можно.

Люди не святые. Их легко захватывают недостижимые желания и навязчивые чувства. Во время испытаний, связанных с любовью, многие теряли разум, а возлюбленные превращались во врагов.

После того как случилось немало крупных бедствий и погибло множество людей, эти странные правила начали появляться одно за другим.

Некоторые красивые наставники даже специально стали превращать себя в грубых и неопрятных, полностью утратив прежнее обаяние, лишь бы ученики не влюблялись в них и не приводили к позорным скандалам.

За каждым чудным правилом Тяньяня стоял урок, оплаченный кровью. У каждой семьи свои трудности.

Какие ещё отношения? Всем забыть о чувствах и культивировать!

Чу Синлань некоторое время не знал, как это комментировать.

— Весело у вас в Тяньяне. И правда, отношения мешают вознесению. Сиюэ, лучше культивируй как следует и перестань каждый день думать, где найти дао-партнёра. Вознесению мешает.

Его собственной целью по-прежнему оставалось вознесение, разрыв границ мира и возвращение домой.

Любовь и прочие чувства пока не входили в планы.

Мин Сиюэ прищурил лисьи глаза, явно не соглашаясь.

— Синлань, ты не забыл, что я культиватор секты Хэхуань? Для меня искать дао-партнёра совершенно естественно.

Он же не из этих аскетов, которые только и умеют сидеть в затворничестве. Это совсем не стиль Хэхуань.

— Техника, которую я практикую в Хэхуань, ничем не отличается от техник моих товарищей.

Если заняться парной культивацией со мной, эффект будет вдвое лучше при половине усилий,

— Мин Сиюэ внезапно придумал отличный способ. Яркие лисьи глаза загорелись нетерпением.

— Может, займёмся парной культивацией? Гарантирую, твоя сила начнёт расти как на дрожжах.

Чу Синлань всё время хотел поскорее повысить культивацию и вознестись. Отличный повод.

Чу Синлань немедленно отверг предложение:

— Никакого секса. Хочешь парной культивации — ищи кого-нибудь другого. Я стопроцентный натурал.

Он ещё не настолько отчаялся ради прогресса идти на парную культивацию. Лучше спокойно сидеть и честно медитировать, чем искать такую короткую дорожку.

Тем более культиваторы этого мира иногда сходили с ума от самого процесса культивации. А если партнёр внезапно всадит меч, чтобы «доказать Дао убийством мужа»?

Слишком опасно.

Воин чистой любви Мин Сиюэ категорически отверг идею искать кого-то другого. В голосе даже появилась обида:

— Я никого другого не хочу. Ты мой дао-партнёр, а сам толкаешь меня к посторонним. Сердце мне разбил. Или ты презираешь меня за то, что я из Хэуань? Тогда прямо сейчас я снова ученик Тяньяня.

Личность Мин Сиюэ опять гибко изменилась.

Чу Синлань покачал головой.

— Я пока не собираюсь идти этим путём. Я пришёл к тебе не ради твоей техники. Я сам вознесусь в бессмертные. У меня есть место, куда нужно вернуться.

Мост к мосту, дорога к дороге. Откуда пришёл, туда и вернётся. Они с Мин Сиюэ с самого начала не принадлежали одному пути.

Если он сейчас заведёт здесь отношения, а потом однажды погибнет или вознесётся и вернётся домой — что станет с его дао-партнёром?

Зная своё будущее и всё равно сознательно привязывая к себе человека, он был бы последним подонком.

Мин Сиюэ не собирался отступать. Стоило отпустить, и Чу Синлань уйдёт туда, где он его больше никогда не увидит.

— Ты хочешь стать бессмертным — значит, я помогу тебе стать бессмертным. Я не буду твоей помехой. Ты сам когда-то сказал мне: если я достаточно силён, этого достаточно. Почему

теперь считаешь, что я не справлюсь?

Чу Синланю эта фраза показалась знакомой.

Он долго перебирал воспоминания и наконец нашёл один эпизод из прошлого.

Много лет назад из-за особенностей врождённой основы и телосложения Мин Сиюэ вокруг него возникло немало пересудов. Он боялся стать обузой для семьи и друзей.

Он знал, что родители его не винят, но чем лучше они к нему относились, тем сильнее росло чувство вины. Слишком тяжёлая милость со временем тоже может обернуться ненавистью.

Он часто думал: почему у него именно такое тело? Почему родители должны постоянно тревожиться за него и не могут спокойно культивировать? Неужели он их бремя?

От таких мыслей у него едва не родился внутренний демон.

Когда-то самоуверенный и яркий юноша уныло отправился развеяться и снова столкнулся с Чу Синланем, который переоделся женщиной, скрываясь от преследователей. Вместе они вырезали демонических культиваторов.

Юноша в красном стоял среди крови, с лицом без выражения, словно асура. Весь его вид кричал о подавленности. После боя вроде бы стало легче, но грусть никуда не исчезла.

Спустя долгое время он наконец нерешительно спросил:

— Фея, я совсем бесполезный? Такой человек с особым телом, как я, обязательно становится бременем для окружающих?

— Без тебя я сегодня уже был бы мёртв. Пока ты достаточно силён, чтобы люди дрожали при одном упоминании твоего имени, ты не будешь ничьей обузой, — Чу Синлань не понимал, отчего Мин Сиюэ внезапно так пал духом, но боялся, что тот повернётся и пойдёт топиться, а потом внутренний демон появится уже у самого Чу. Поэтому поспешил утешить: — Даосский друг Мин, кто не согласен — заставь его навсегда замолчать.

Мир культивации уважал силу. Кто не согласен — избежь до согласия. Что после этого он сможет сказать?

Зачем мучиться?

Кто посмеет трепать языком — побей так, чтобы больше никогда не открыл рот. Пусть узнает,

почему цветы такие красные.

— Слова феи удивительны. Я словно внезапно всё понял, — выслушав этот простой и грубый совет, Мин Сиюэ сразу воспрянул духом. — Тогда, когда стану сильнее, можно я буду защищать фею? Пока я достаточно силён, то не стану для вас обузой. Я проведу фею сквозь ветер и волны.

Чу Синлань кивнул:

— Хорошо.

Ты сначала себя защищать научись. Я сниму женское платье — и ты меня уже не узнаешь.

После этого Мин Сиюэ ещё сильнее полюбил эту одновременно близкую и недостижимую фею Нинсян. Он смотрел на неё горящими глазами.

Даже горы трупов демонических культиваторов вокруг вдруг перестали так раздражать.

— О чём задумался? Давай, пора мазать лекарство.

Чу Синлань привычно потянулся стягивать с Мин Сиюэ штаны и мгновенно вывел его из воспоминаний.

Мин Сиюэ:

— ???

Он поспешно вцепился в пояс, не позволяя раздевать себя.

— Т-ты чего! Я сам справлюсь! Средь бела дня, под ясным небом — это вообще прилично?!

Они же в лечебнице. Что будет, если кто-то увидит?

Чу Синлань не выдержал. Из-за лекарства ещё жеманничать — мужик он или нет?

— Только что предлагал мне парную культивацию, а теперь штаны снять не даёшь. Болтун! Я просто лекарство наношу.

Герой словесных подвигов. Раз уж так стесняешься — не предлагай парную культивацию!

Лекари-культураторы снаружи слушали, краснели до ушей и, зажав ладонями уши, разбегались.

Дядя-наставник Мин, это слишком горячо!

Мы вообще-то рядом. Мы не глухие!

Во время борьбы с тела Мин Сиюэ упала странной формы нефритовая подвеска с завязанным узлом мира. Она звонко ударилась о пол, и в пустой лечебнице звук показался особенно чистым.

Чу Синлань оказался быстрее Мин Сиюэ, поднял прохладную подвеску и с весьма сложным выражением посмотрел на её внешний вид.

— Ты до сих пор носишь эту уродину?

Это была одна из первых его тренировочных работ по изготовлению артефактов. Чу Синлань думал, Мин Сиюэ давно её выбросил.

<http://bllate.org/book/20989/2161515>